

Бесприставочные глаголы с суффиксом *-ива-* (*-ыва-*) в диалектной системе русского языка. Общая характеристика

1.1. Бесприставочные глаголы с суффиксом *-ива-* в рамках диалектной аспектологии¹⁵ квалифицируются как многократные (многократно маркированные) формы и включаются в состав многократного способа действия, общего для обеих систем (литературного и диалектного языка), но имеющего при этом в каждой из систем свои, весьма существенные, особенности функционирования.

Формальным средством выражения многократности как способа глагольного действия, относящегося к количественным видам аспектуальности, считается присоединение к бесприставочной глагольной основе несовершенного вида (НСВ) суффиксов *-ива-* (*-ыва-*), *-ва-*, *-а-*¹⁶. Факультативно сопровождающееся чередованием гласных и согласных в основе (*ходил – хаживал, кормил – кармливал, ел – едал*)¹⁷.

---

¹⁵ Диалектная аспектология, будучи принципиально новым направлением в русистике, сформированным в русле развития двух научных дисциплин – аспектологии и диалектологии, изучает аспектуальность диалектных глаголов, описывая их одновременно с двух позиций – с позиций современной теории видообразования и с позиции лингвистической географии.

Важность разработки этого научного направления обусловлена еще и тем обстоятельством, что без привлечения данных некодифицированных подсистем, к которым, в частности, относится и диалектный язык, аспектологическое описание современного русского языка нельзя признать полным.

¹⁶ Если древние итеративные суффиксы *-а-*, *-ва-* сформировались именно в среде **бесприставочных** глаголов как специализированное средство выражения неограниченной *кратности* действия, в том или ином виде присутствуют в целом ряде славянских языков, то к бесприставочным глаголам на *-ива*, являющимся собственно русскими образованиями, присоединился *имперфективный* суффикс, изначально специализировавшийся на выражении *процессности* в сфере **приставочных** глаголов – значения, легшего в основу развития грамматических видовых корреляций в славянских языках.

¹⁷ На сегодняшний день доподлинно установлено, что в буквальном смысле слова единичные употребления бесприставочных глаголов на *-ива* более или менее последовательно фиксируются только с конца XIV в. лишь в памятниках, составленных на территории северо-восточной Руси, оказываясь, таким образом, одной из ярких черт новой языковой системы, обладающей новым качеством по сравнению с живой речью восточных славян X–XIII вв. П. С. Кузнецов отмечает, что в отношении этих глаголов “самые близкие друг к другу восточнославянские языки шли различными путями” [Кузнецов 1953: 266].

Поскольку история развития бесприставочных глаголов с общеславянскими суффиксами *-а-*, *-ва-* существенным образом отличается от истории развития бесприставочных глаголов с восточнославянским суффиксом *-ива-* (*-ыва-*)¹⁸, мы считаем целесообразным квалифицировать их как самостоятельный объект лингвистического рассмотрения.

Только бесприставочные глаголы с суффиксами *-а-* и *-ва-* имеют соответствия в других славянских языках и, по этой причине, вполне обоснованно заданы “Вопросником общеславянского лингвистического атласа” (М., 1965), бесприставочные глаголы с суффиксом *-ива-* являются собственно русскими образованиями¹⁹, в связи с чем безоговорочное включение их в состав Общеславянского лингвистического атласа оказывается, с нашей точки зрения, явной натяжкой.

В пользу рассмотрения бесприставочных глаголов с суффиксом *-ива-* как самостоятельного лингвистического объекта свидетельствует и то обстоятельство, что именно неграмматические корреляции с бесприставочными глаголами на *-ива-* оказали непосредственное **воздействие**²⁰ на все другие типы неграмматических оппозиций (с общеславян-

---

¹⁸ Общесистемной особенностью русского языка является **неполная** формообразовательная парадигма маркированного члена оппозиции – бесприставочного глагола на *-ива*, установившаяся *изначально* (то есть в конце XIV в.), с момента первых письменных фиксаций, и сохраняющаяся на современном уровне развития языковой системы. В парадигме этих глаголов присутствуют лишь две грамматические формы – прошедшего времени изъявительного наклонения и инфинитива.

Бесприставочные глаголы с общеславянскими суффиксами, образующие неграмматические корреляции **по кратности** в других славянских языках, регулярно употребляются во всех временных планах, то есть в формах настоящего-неактуального, прошедшего и будущего времени и даже, хотя и редко, ‘в формах прочих наклонений’ [Широкова и др. 1990: 198], образуя, таким образом, целую систему форм, специализированных на выражении неактуальности действия (например, чешские *psavam, psaval jsem, budu psavat, psaval buch*).

¹⁹ Конкретная разработка вопросов “Программы...” отражает не только состояние изученности говором к моменту ее составления, но и состояние изученности тех или иных сторон языка. В 1947 г., когда был опубликован окончательный вариант этой программы, проблемы глагольного вида только начинали разрабатываться, именно поэтому “Программа...” и не декларировала задачу аспектологического изучения говором. Таким образом, “диалектология оказалась в прямой зависимости от уровня разработанности (а точнее, не разработанности) аспектологической теории” [Ровнова 1997: 170].

²⁰ В литературном языке к середине XX в. бесприставочные глаголы с суффиксом *-ива-* из продуктивной категории превращаются в категорию лексически

скими суффиксами *-а-*, *-ва-*), сформированными или используемыми как в языке великорусской народности, так и в русском национальном языке; именно этот тип отношений наследуют и современная диалектная система, и кодифицированный литературный язык.

1.2. Характеристика бесприставочных глаголов с суффиксом *-ива-* как отдельного фрагмента аспектуальной системы русских говоров оказывается чрезвычайно актуальной еще и потому, что данные глаголы не были включены в “Программу собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка” (см. [Сими́на 1970: 35–37]), и в настоящее время “мы не имеем достаточно четких представлений ни о структуре, ни о семантике этих глаголов, ни об особенностях функционирования в разных регионах” [Пожарицкая 1991а: 85].

Так, в “Русской диалектологии / под ред. Л. П. Касаткина” (М., 1989) аспектуальная характеристика русских говоров вообще не представлена; в другом, также относительно новом, учебнике (“Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова” (М., 1990)) интересующие нас образования, равно как и категория вида в целом, получают весьма поверхностную характеристику; здесь, в частности, специально подчеркивается, что “особенности образования видов глагола в говорах изучены не полностью, поэтому в настоящее время трудно представить систематическое описание видовой системы глагола с точки зрения ее отличий от системы литературного языка” [РД 1990: 138].

С другой стороны, последние десятилетия характеризуются повышенным интересом диалектологов к многократно маркированным глаголам, в том числе и к бесприставочным глаголам на *-ива-*, в связи с чем

замкнутую и стилистическую, “почти утрачивают свободное употребление” [Виноградов 1972: 142], “дольше живут в повествовательных стилях с оттенком простонародности и стилизациях народной поэзии”, в нормативных толковых словарях описаны с пометами “разг.”, “устар.”, “обл.”, “просторечн.” и образуются только от незначительного количества глаголов “наглядного, конкретного действия, легко поддающегося счету и учету” [Власова 1954: 43], “конкретно-бытового лексического значения” [Иванчикова 1957: 277].

Н. С. Власова составила точный список глаголов для современного литературного языка: “круг глаголов, от которых образуется форма на *-ывал-*, *-ивал-*, ограничен 65-ю основами” [Власова 1954: 13], заметив при этом, что “некоторые из перечисленных форм в современном русском языке не употребляются совершенно и даже кажутся странными” [Власова 1954: 205]. По подсчетам С. К. Пожарицкой, “Грамматический словарь русского языка содержит 31 глагольную лексему с пометой “многокр.”” [Пожарицкая 1991а: 793] (в этот список входят также глаголы с общеславянскими суффиксами *-а-*, *-ва-*).

у нас появилась реальная возможность обобщить и систематизировать высказанные по данному поводу мнения и суждения.

2.1. Важнейшей характеристикой многократного способа действия в русском языке является то, что он, будучи общеязыковой системной чертой, по-разному проявляет себя в кодифицированном литературном языке и в некодифицированной (менее кодифицированной) диалектной среде: в литературном языке, по единодушным оценкам специалистов, рассматриваемые образования являются непродуктивной группой, занимают весьма скромное место²¹, в диалектной же среде они, напротив, представлены очень широко, механизм их образования до сих пор не утрачен.

2.2. Говоря о диалектных многократных глаголах, необходимо указать на то, что в сфере их использования обнаруживаются лингвогеографические различия: данные образования характерны не для всей диалектной территории, а только для отдельных диалектных систем, относимых к севернорусскому наречию.

Еще в 1953 г. П. С. Кузнецов говорил о том, что бесприставочные глаголы с суффиксом *-ива-*, равно как и другие “многократные” глаголы, “широко распространены только в части северновеликорусских говоров, но их почти нет в южновеликорусском наречии, и притом не только они не наблюдаются или почти не наблюдаются в живых говорах, но их очень мало и в фольклорных записях, сделанных на юге, тогда как в фольклорных записях, осуществленных на севере, такие формы представлены очень широко” [Кузнецов 1953: 266], в связи с чем, по мнению исследователя, одной из черт южнорусских говоров, “центральный очаг которых образуют говоры курские и орловские”, является “отсутствие или ранняя утрата так называемых многократных образований” [Кузнецов 1953: 267].

П. С. Кузнецов указал также на то, что рассматриваемые глаголы “в целом не характерны не только для современного русского литературного языка, но и для современных говоров центральной полосы, в частности, прилегающих к Москве” [Там же]; говоря о севернорусских говорах, он называет “олонецкие, поморские, частью восточные” [Кузнецов 1953: 263] наречия, в которых эти образования представлены наиболее широко.

В свою очередь, С. К. Пожарицкая отмечает, что “ареал наиболее активного их употребления находится в пределах Архангельской и, вероятно, Вологодской областей” [Пожарицкая 1991: 85].

---

²¹ С. К. Пожарицкая особо подчеркивает, что “в диалектах, как и в литературном языке, действует запрет на образование их от глаголов однонаправленного движения типа *бежать, нести, лететь, идти*” [Пожарицкая 1991а: 793].

Согласно наблюдениям О. Г. Ровновой, бесприставочные глаголы на *-ива-* “являются характерной чертой видовой системы архангельских, вологодских, кировских, сибирских (верхне- и среднесибирских), русских говоров Карелии” [Ровнова 1991: 95–96]. Н. А. Лукьянова, отметив присутствие данных образований в речи населения старых сел, расположенных на бывшем Сибирском тракте, где концентрировалось в прошлом севернорусское население, не обнаружила их в речи новоселов-южнорусов [Лукьянова 1972: 96]. Этот факт является еще одним свидетельством северного ареала распространения бесприставочных глаголов на *-ива-*.

О том, что “категория глаголов многократного действия более продуктивна в севернорусских говорах”, подчеркивается и в “Русской диалектологии / Под ред. В. В. Колесова” [РД 1990: 137]; В. А. Закревская также констатирует, что “в севернорусских говорах многократные глаголы еще живое явление” [Закревская 126]; Г. Я. Сими́на говорит о широкой представленности рассматриваемых образований в говорах Пинежья, о том, что итеративность в этих говорах “еще выступает как живая грамматическая категория” [Сими́на 1970: 27].

2.3. Если в чешском языке бесприставочные глаголы с общеславянским итеративным суффиксом *-ва-*, реже *-а-*, очень широко распространены, и, самое главное, до сих пор существует “потенциальная возможность их образования от всех глаголов НСВ” [Широкова и др. 1990: 199], то в русском языке, даже в северном наречии, группа бесприставочных глаголов с суффиксом *-ива-*, равно как и бесприставочные глаголы с суффиксами *-а-*, *-ва-*, имеет значительные лексические ограничения: “эти образования возможны только от определенного круга глагольных производящих основ, от ограниченного числа первообразных глаголов” [Сими́на 1970: 35].

С. К. Пожарицкая считает, что “в отношении лексико-семантических характеристик основ мотивирующих глаголов диалекты не имеют принципиальных расхождений с литературным языком” [Пожарицкая 1991а: 79], где их семантика определяется как “значение неоднаправленного движения, восприятия, речи, существования, положения и изменения положения в пространстве, конкретного физического действия” [РГ 1980: 600]. О. М. Соколов говорит о том, что в старожильческих говорах Томской области “совсем не отмечено образований многократного значения с суффиксом *-ыва-*, *-ива-* и диалектной корневой морфемой” [СРЯ 2001: 6]. В. А. Закревская подчеркивает, что данные глаголы “образуются в основном от глаголов НСВ, имеющих значение конкретного физического действия, движения или речи” [Закревская: 126].

Оперируя значительным фактическим материалом, Г. Я. Симиная так определяет типы лексического значения мотивирующих основ²²:

1) со значением **конкретного действия**, “чаще именно действия, связанного с трудовой, земледельческой деятельностью” [Симиная 1970: 35] (*кашивать, молачивать, стирывать...*);

2) со значением **физического и морального воздействия** на предмет (*лупливать, ударивать, шумливать, браниваться...*);

3) глаголы **говорения, чувствования** (*говаривать, слыхивать, думывать, сматривать, плакивать...*);

4) глаголы со значением **движения, перемещения в пространстве**²³ (*гуливать, хаживать, ежживать, бегивать...*);

5) глаголы, обозначающие **состояние человека: физическое и психическое** (*баливать, ляжживать, маживать (мочь)...*).

По мнению С. К. Пожарицкой, “характерным признаком предикатов, выраженных такими глаголами, является признак временной связанности, локализованности во времени и свойство квантифицируемости, которое в диалектах могут приобретать и глаголы состояния, превращаясь при этом в глаголы конкретного действия; так, например, “Я раньше-то хорошо богу **верывала**” означает, что говорящая раньше лучше выполняла ритуалы, связанные с верой в бога” [Пожарицкая 1991: 793].

2.4. В плане морфологических характеристик²⁴ бесприставочные глаголы с общеславянскими суффиксами *-а-*, *-ва-* и бесприставочные глаголы с суффиксом *-ива-* объединяют две, весьма важные, особенности: бесприставочность и видовая несоотнесенность.

---

²² Морфонология глаголов (на материале архангельских говоров) представлена в исследовании С. Г. Саркисяна [Саркисян 1991: 104–110].

²³ Как установила С. К. Пожарицкая, эти, крайне редкие, формы инфинитива “тяготеют к двум конструкциям: во-первых, конструкции однокомпонентного инфинитивного предложения с отрицанием (*за клюквой уж мне не бегивать; не бивать ему, тебя не важживать; мне бы и не робатьвать никогда – все мама помогала; повойник тепер уж не нашивать*); во-вторых, выражениям с повтором однокоренных глаголов (*а браниваться-то я век не бранивалась; меня только Генька стрелил, а так-то я верезживаться не верезживалась*)” [Пожарицкая 1991а: 795].

²⁴ *Мне экой-от мази не даывала; я то не дельвала квасу-то; встречать не ежживала; нет, он не женатый, не жанивался; не один не баливал, не один в больнице не ляжживал; никого не баивалась; нехто не хажживал и некого не важживал; она нечо не варивала; я-то не нашивала очков; у Тимки-то я не почеывала; я долгого-то луку не щипывала...*

Оказываясь несоотносительными по виду, одновидовыми глаголами НСВ (глаголами *imperfectiva tantum*), все эти суффиксально производные образования специализируются на выражении лишь части аспектуальной семантики производящего слова, в связи с чем отношения производящего и производного осмысляются в рамках **неграмматической** корреляции. Характер и состав формообразовательной парадигмы маркированного коррелята в этом случае напрямую зависит от аспектуального содержания, выражаемого суффиксом.

Парадигматической (системно-языковой) чертой данного вида неграмматических корреляций в русском языке является **неполнота формообразовательной парадигмы** маркированного члена (суффиксально производного глагола), в составе которой присутствуют лишь две грамматические формы: 1) форма прошедшего времени изъявительного наклонения и 2) форма инфинитива.

Не менее важной оказывается также особая привязанность этих глаголов к грамматическим формам **прошедшего времени**, характеризующая их использование на протяжении всего периода функционирования в языке.

Говоря о современных севернорусских говорах и оперируя значительным фактическим материалом, С. К. Пожарицкая весьма категорично заявляет о том, что “характерной особенностью состава словоформ рассматриваемых глаголов является резкое преобладание форм прошедшего времени, которые составляют примерно 90% всех словоупотреблений (647 из 730 рассмотренных нами диалектных контекстов)” [Пожарицкая 1991а: 793]; к аналогичным выводам (“для них характерна лишь форма прошедшего времени”) приходит и Г. Я. Сими́на [Сими́на 1970: 36], добавляя, что “случаи бесприставочных кратных глаголов в форме инфинитива совсем редки” [Сими́на 1970: 38]²⁵.

Факт доминирующего использования в формах прошедшего времени расценивается О. Г. Ровновой в качестве важнейшей парадигматической особенности этих образований: “и в бытовой речи XV–XVII вв., и в современной диалектной речи многократные глаголы употребляются по преимуществу в форме прошедшего времени” [Ровнова 1997: 175].

---

²⁵ См. например, Кашкуревич Л. Г. Формирование универсальных умений билингва. М.: Высшая школа, 1988. 139 с.; Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия / отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1990. 203 с.; Ушаков Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Удмуртия, 1982. 144 с.; Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учеб. пособие. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2001. 228 с.

С другой стороны, пристальное внимание к исследованиям, выполненным на диалектном материале, позволяет выявить еще одно, чрезвычайно важное, обстоятельство: в парадигме именно бесприставочных глаголов с суффиксом *-ива-*, в отличие от аналогичных образований с общеславянскими суффиксами *-а-*, *-ва-*, начинают фиксироваться в буквальном смысле слова единичные формы **настоящего времени** (*Я все по-старинному говариваю* [Закревская: 126]; *молоцкого мы нецего не вариваем* (У); *она бегиват не хуже их* [Сими́на 1970: 37]).

П. С. Кузнецов, отстаивая положение о неполной формообразовательной парадигме, говорил о том, что “мы находим, правда, случаи употребления настоящего времени от многократных основ в фольклорных записях, например: *В круг он, Стенька, к казакам не хаживает* (Песни, собранные Киреевским); *Кладывает он заповедь великую...* (Там же). Но здесь мы, по видимому, имеем дело не с фактами, идущими из живого говора, а с особенностью фольклорного стиля” [Кузнецов 1953: 264].

В настоящее время эти “единичные факты” оцениваются с позиций **индивидуального словоупотребления**: “как факт речи, но не языка” [Сими́на 1970: 37], как “результат расширения их парадигмы за счет тех форм, которые в принципе допускает диалектная система, но которые отсутствуют в не слишком строгой диалектной норме” [Пожиарицкая 1991a: 195].

Вразрез с подобного рода комментариями идет лишь положение, высказанное в учебнике “Современный русский язык / Под ред. П. А. Леканта” (М., 2001), о том, что “глаголы типа “хаживать” “потенциально” имеют, помимо форм прошедшего времени и инфинитива, “и другие морфологические формы (например, форму будущего времени будет хаживать)” [СРЯ 2001: 333]. Весьма показательно, что авторы учебника не сумели привести в подтверждение излагаемой позиции ни одного фактического доказательства.

3.1. “Выполнение насущной задачи, стоящей перед диалектной морфологией, – соответствовать современному уровню развития грамматической, и в частности аспектологической, теории – предполагает ее развитие в русле **функциональной морфологии**, что означает переход от изучения аффиксального варьирования системы грамматических форм к изучению их реального функционирования в высказывании и, шире, тексте” [Ровнова 1997: 170]. Переход от изучения диалектного языка к изучению диалектной речи на основе функционального принципа рассмотрения отдельных фрагментов диалектной системы предполагает выявление типичного для них лексико-грамматического контекста.

С. К. Пожарицкая особо подчеркивает, что “типичной особенностью структуры глаголов на *-ива-* (*-ыва-*)/*-ва-/а-* можно считать их бесприставочность, а характерной сферой их функционирования – конструкции с отрицанием” [Пожарицкая 1991а: 795]. В. А. Закревская также говорит о том, что интересующие нас образования “особо часто используются в конструкциях с отрицанием” [Закревская: 126].

Факт особой привязанности глаголов к отрицательным конструкциям квалифицируется О. Г. Ровновой как одно из важнейших системных отличий “диалектных многократных глаголов” от литературного языка [Ровнова 1997: 176].

Приводя полностью материал из деревни Вадюга Верхнетоемского района Архангельской области, С. К. Пожарицкая устанавливает, что 24 из 25 зафиксированных словоупотреблений приходится на долю **конструкций с отрицанием**, причем “в предложениях с отрицанием обращает на себя внимание частое присутствие выражений и слов, усиливающих отрицание (*век, веком, не однежды, ни с кого, совсем, никакая, ничего, никогда, никто, ни разу, не однежды, не одного, больше*)” [Пожарицкая 1991а: 795].

3.2. При характеристике особенностей **синтаксического контекста**, в котором обычно выступают бесприставочные глаголы на *-ива-*, первостепенное значение приобретают наблюдения С. К. Пожарицкой, впервые обратившей пристальное внимание на коммуникативную схему предложений: “как правило, они не нейтральны; в них наблюдается сдвиг ремы, который проявляется в постпозиции подлежащего или в препозиции дополнения. Глагол таким образом оказывается либо в инициальной, либо, большей частью, в финальной позиции. При этом как в случае нейтрального порядка слов, так и в случае линейно преобразованного рема обычно характеризуется контрастным ударением, что особенно ярко проявляется в высказываниях с противопоставленными частями типа *В Соколове коров водили – я-то не вазживала*. В предложениях с отрицанием фразовым ударением обычно выделяется слово, усиливающее отрицание. Можно считать, что характерной синтаксической особенностью структуры высказывания с этими глаголами является дезактуализация подлежащего и усиление вербоцентричности” [Пожарицкая 1991а: 797].

Итак, позиция предиката, выраженного с помощью бесприставочного глагола на *-ива-*, указывает на коммуникативное преобразование структуры высказывания и свидетельствует об эффатическом употреблении глагольной формы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авилова Н. С. Изменения в употреблении многократных глаголов // Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. С. 141–148.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 2-е изд. М., 1928.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. – М., 1972.

Власова Н. С. Формы и значения прошедшего времени глаголов в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Закревская В. А. Хаживал, еаживал, видывал... // Русская речь. № 5. С. 124–127.

Иванчикова Е. А. Употребление многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX в. // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 4. С. 240–277.

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953.

Лукьянова Н. А. Глаголы многократного способа действия в современных говорах Сибири // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972.

Пожарицкая С. К. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М.: Наука, 1991. С. 84–94.

Пожарицкая С. К. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // Revue Des Etudes Slaves. Tirage a part. Paris, LXII / 4, 1991a. С. 787–799.

Ровнова О. Г. Многократные глаголы в одном вологодском говоре // Современные русские говоры. М.: Наука, 1991. С. 94–103.

Ровнова О. Г. Современные русские говоры в аспектологическом плане // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 3. / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 169–179.

РГ 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1 Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980.

Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1989.

РД 1990 – Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова. М.: Высш. шк., 1990.

Саркисьян С. Г. К вопросу о морфонологии многократных глаголов (на материале архангельских говоров) // Современные русские говоры. М.: Наука, 1991. С. 104–110.

Симица Г. Я. Глаголы со значением кратности в говорах Пинежья // Севернорусские говоры / Отв. ред. Н. А. Мещерский. Вып. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. С. 26–47.

СРЯ 2001 – Современный русский язык / Под ред. П. А. Леканта. М.: Дрофа, 2001.

Соколов О. М. Морфологически варианты глаголы в системе лексики старожильческих говоров Томской области: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1959.

Широкова и др. 1990 – Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А. Чешский язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.